

Мара не дала ни малейшего намека на триумф, чтобы показать ее лицо, когда карты сабакка снова изменились, давая ей девять. Наряду с четырьмя картами, которые у нее были в поле помех, это составляло двадцать три и выигрышную комбинацию.

Она сидела в каютах Скайуокера на борту «Пирлесс», звезды проносились мимо, когда они возвращались на Корусант, инцидент с неймодианами был подавлен и завершился менее чем за четыре недели, что стало настоящим достижением для Скайуокера. Цена была месяцем очень долгих дней и очень коротких ночей, если он вообще отдыхал, ни одного перерыва, взятого с его обязанностей, преследовавшего одержимость, как это всегда было со Скайуокером. Но он достиг невероятного; подавил запланированное восстание, сломил специализированное кольцо диверсантов Альянса, обучил и восстановил имперский контроль с минимумом обиды и максимальной долгосрочной эффективностью.

Несмотря на его звание в Восстании, Мара удерживала свои сомнения, когда ее хозяин назначил командующего Скайуокером главнокомандующим вооруженными силами, но она научилась уважать его суждения, поскольку он снова и снова доказывал свою ценность, как маленькими, так и маленькими. , безумные стычки и сложные, общесистемные восстания. Огромное количество знаний, которые Палпатин наложил на него в его принудительном заключении, когда он впервые прибыл на Корусант, должно быть, кристаллизировали его, но такого рода лидерство требовало некоторых врожденных способностей, которым нельзя было научиться. Восстание потеряло больше, чем они знали, когда они оставили Скайуокера Императору. Но их потеря, тщательно управляемая ее хозяином, была завоеванием Империи, и Мара приобрела подлинное уважение к Командующему.

Это сделало ее работу более сложной? Нет, они оба знали, кем она была и почему она здесь, и каждый был достаточно профессионален, чтобы уважать это. Палпатин никому не доверял; это было не в его характере, они оба знали это, и ни один не был готов позволить этому ограничить их дружбу, которая идеально подходила Маре.

Теперь, наконец, они были не на службе или настолько, насколько Коммандер когда-либо был настолько естественен, он играл в Сабакк ... снова. Она посмотрела на Скайуокера. Выражение его лица не изменилось ничуть с действием поля вмешательства. На этот раз она была у него!

"Могу поспорить ... пятьдесят." Наконец она сказала, ее голос был очень тихим, с оттенком малейшего намека на тщательно вымышленную неуверенность в себе.

Который, тем не менее, поднял глаза: «Почему, что у тебя есть?»

"Положи свой кредит, и я покажу тебе." Мара бросила вызов, небрежно положив девятку лицевой стороной вниз в поле помех, чтобы заморозить ее ценность, когда она выдвинула свои кредиты вперед.

Люк посмотрел на него сверху вниз, прищурив глаза: «У тебя ничего нет».

"Хотите сделать ставку на это?"

Мара знала, что он слегка приподнял подбородок, что означало, что он обдумывает это. Теперь она хорошо его знала; почти три года игры в сабакк за бесчисленными столами предоставили ей это, а также сопровождали его в бесконечных миссиях под командованием ее хозяина. Император никогда не отменял свой первоначальный приказ Маре, обвиняя ее в ответственности за Скайуокера, и она по-прежнему относилась к нему так же серьезно, как к каждой команде от Императора, став де-факто телохранителем Скайуокера и его помощником. И его наблюдатель, конечно; вместе с Рис Палпатин никому не доверял. Мара все еще иногда

задавалась вопросом, кто ее наблюдатель ...

"Пятьдесят...?" - спросил он теперь, возвращая ее разум к игре, ее лицо было нейтральной маской, зная, что он будет искать тонкие подсказки. Он всегда делал в жизни и на сабакке. Он играл избирательно, осторожно выбирая руки, на которые делал ставку, но делая ставки агрессивно, не боясь направить свои средства туда, где была его вера. И время от времени, просто чтобы держать ее в напряжении, он блефовал с большим стилем, всегда ожидая, пока на поле не будет много фишек, много возможностей в игре. В жизни и на сабакке.

Теперь он прищурился на нее, проводя свободной рукой сквозь свободные непослушные локоны, чтобы стащить их с лица, когда он искал нейтральное выражение лица Мары в поисках этих улик. Использование Силы было строго запрещено в их играх, но по правде говоря, она не могла точно сказать, сделал он это или нет, ее собственные способности были слишком ограничены. Тем не менее, он утверждал, что нет, и Мара поверила ему, кем бы он ни был, он все еще был человеком своего слова.

«Это побеждает объект игры». Он поддержал, когда она обвинила его однажды.

«Я не верю, что искушение слишком велико ... и ты всегда любишь побеждать». Она заряжена.

«Я не говорил, что не хочу побеждать».

«И ты никогда не играешь по правилам». Мара добавила, вспоминая бесчисленное количество раз, когда он тонко приспосабливался или отрабатывал прямое командование Императора вокруг своих собственных нужд, зная, что теперь это стало большим разговором

«Я играю по моим правилам, а вы их просто не знаете». Он сказал с юмором в голосе, намеренно сохраняя свет разговора, как он всегда делал с ней.

"У тебя его нет". повторил он сейчас. Мара подняла брови в ожидании молчания.

"..... Сто." сказал он после долгой паузы, его голос издал нерешительный вопрос, когда он протолкнул вперед мягко стучащую кучу кредитов.

Сердце Мары слегка дрогнуло, он блефовал? Вытащить ее? Или он полагал, что она блефует, и он пытался заставить ее отступить? У него было три карты в поле, и они были заперты там на три раунда ... плюс стол только что перевернул карты, которые он держал, если бы он тоже дал ему руку?

О чем ты беспокоишься, Джейд, у тебя чистый сабакк ?!

«Хорошо.» Она толкнула свои фишки вперед, хлопнув ладонью по генератору импульсов, чтобы остановить его и заморозить карты по их текущей стоимости. Затем она потянулась вниз и повернула свои полевые карты с ноткой триумфа в голосе: «Чистый сабакк».

«Ах». - легкомысленно сказал Люк, переворачивая несовпадающие чип-карты в руке, когда кладет их, Мара торжественно тянется к кредитам. "Аггау". Он просто сказал, заморозив ее середину.

"Какие!?" она потянулась к его картам в поле, переворачивая их; два, три ... и карта лица

Идиота улыбнулась ей в ответ. "Сын ... у тебя там были такие целую вечность, почему ты их не играл?"

«Я ждал, что вы положите какую-нибудь серьезную валюту, у меня не очень часто получается Массив; я должен максимально использовать его». - сказал он, развлекаясь сквозь это отрешенное спокойствие, вероятно, при взгляде на ее лицо, размышляла Мара.

Она бросила карты, как будто это что-то изменит. «Тебе так повезло в картах ...»

«Мне нравится думать, что в этом есть небольшой навык». сказал он, этот идеальный нейтральный фасад чуть-чуть проскользнул, давая ей возможность увидеть Люка Скайуокера за каменным лицом драгоценного ситха Палпатина. «Вы знаете, что они говорят, удачливые в картах ...» он слегка пожал плечами, шагнув со стола, не удосужившись взять разбросанные там кредиты, зная, что они не сыграют сегодня вечером.

Подойдя к столу, за которым он оставил напиток, он остановился спиной к Маре, глядя в светящуюся пустоту гиперпространства. Возможно, потому что он понял, что позволил своей страже чуть понизиться, поняла Мара, и ей было неловко даже перед ней. Хотя она не знала почему; она знала его лучше, чем кто-либо другой, видел его по частям в камерах Дворца, когда Палпатин гневался на него. Она никогда не осуждала его; она узнала это от него

Палпатин, ее хозяин, а также его Палпатин всегда судили, и никогда не любезно.

Она посмотрела на него, видя, как всегда. Он был стройным, сильным и ... и она должна тут же остановить эту мысль. Вместо этого она высказалась, зная остальную часть рифмы; "Не повезло в любви".

"Не очень богатый." легко сказал он, поворачивая эти острые голубые глаза к ней.

Спустя час она ушла в отпуск, Скайуокер заявил об усталости, хотя Мара знала, что он ничего подобного. Через час или около того ей позвонит кто-нибудь, кто будет на страже, чтобы сообщить ей, что Командующий вернулся на Мост и работал в своей готовой комнате, как он часто делал рано утром. Или, может быть, он находился в одном из тренировочных отсеков со своим световым мечом, или что он вошел в ограниченный трюм 701-го, или вызвал командира подразделения в свои помещения.

Без разницы; он не будет спать, она это знала. Она видела это в его глазах, независимо от того, сколько раз он бил ее в сабакк.

Он не столько успокоился за последние несколько лет, сколько стал более осмотрительным, более осторожным в том, что он позволил показать и перед кем, поскольку Палпатин из года в год вкладывал все больше времени в создание своего идеального адвоката. Эмоции были чем-то, что можно было использовать в глазах его Учителя, а также в коварном Суде, который Люк так часто вынужден был терпеть на Корусанте.

Часто он был спокоен, уверен и сосредоточен, Темный Джедай Императора, абсолютно командующий собой и всем, что с ним связано. И все же в других случаях он казался таким потерянным, таким недовольным и невменяемым, что сморщил ее сердце в эмпатии, оставив ее с тревожащим впечатлением от дикого животного в клетке, расхаживающего один и тот же короткий путь снова и снова в одиноких мертвецах почти как волк воющий на луну, отчаянно пытаясь опередить решетки, которые держали его в клетке, зная, что никогда не сможет. Но она знала с абсолютной уверенностью, что, если она попытается протянуть руку, чтобы предложить ей утешение в эти мрачные времена, она набросится на нее так же точно, как если

бы она была ее похитителем, настолько ослепленной разочарованием, что это стало.

Что было реально, а что было фронтом? И то и другое, как она часто говорила Императору. Изменения были ртутными, и Скайуокер не терпел ни жалости, ни беспокойства, ни Императора.

Чувствовала ли она какую-либо вину за то, что сделала свои отчеты? Нет, она никогда не скрывала причину своего присутствия, а глаза и уши были повсюду, Скайуокер знал это. Хотя Мара знала, что она среди них, она, по крайней мере, гордилась тем, что сохранила чувство чести и честности. И она знала, что Скайуокер это оценил; что он тоже придерживался своего собственного морального кодекса, хотя это было искажено. В этом они были, как она предполагала, родственными духами.

Что было так близко, как Скайуокер пришел к настоящей дружбе в эти дни.

«Я просто говорю», - сказал Хан с защитой, глаза зажмурились от яркого света гиперпространства, люющего с экрана за офисным столом Леи и создававшего рассеянный эффект ореола вокруг нее: «А как насчет Звезды Смерти?»

Лея нахмурилась от загроможденного стола: «Хан ...»

"Что, черт возьми, там происходит, а?" он прервал, затрагивая его лучше обиженный, неверующий тон, как будто он чувствовал, что она, конечно, спорить только ради этого, потому что он был явно прав.

«Пожалуйста», - отмахнулась Лея, разочаровавшись в ее голосе, так же как и о себе за то, что ее так легко приняли в то время, как и о Хане, который все еще верил сейчас, когда все это было так явно ложью. «Им нужна была информация; местоположение. Он разбил меня, чтобы я отвел его обратно ...»

«Нет, я говорю о Явине, когда он сдул эту штуку в пыль. О чем это было?» он был уставшим и капризным; все были.

Синяя группа совершила четырнадцатидневный эскорт полета, чтобы снабдить фрегаты в общей сложности девять раз подряд, и она начала носить довольно худой для Хана. Очень похоже на сиденье его летного костюма из бесчисленных часов, проведенных на световой скорости в ассортименте холодных, голых фрегатов с бортовым питанием, ожидающих этот всплеск адреналина, когда «синие» начали выходить из скорости света, ожидая, чтобы догнать Империю с ними еще.

«Я не знаю, почему он бомбил это. У меня нет всех ответов». Лея защищалась, не поднимая глаз.

«Недостаточно большого ответа, дорогая, потому что это был один из самых дорогих фейерверков, которые я когда-либо видел».

Она пожала плечами, злость быстро угасла, она устала снова и снова повторять один и тот же спор. У нее было так много дел; они пытались создать новые базы на Риши и Орд-Бинире, почти галактике, с точки зрения создания и поддержания линий снабжения. Последние базы были вне Базовых Систем и теперь не могут быть устойчивыми под давлением Имперского Флота под командованием Скайуокера, независимо от того, что Хан заявил об обратном. Но тогда Люк всегда был исключительным командиром, даже когда был здесь, скрывая свою

истинную личность. У него была способность видеть более широкую картину, он сосредоточился на конечной цели, желая использовать непредвиденные, неортодоксальные средства для ее достижения. Мадин, сам тактический вдохновитель, всегда верил в него; «Выдающиеся способности», он всегда цитировал «он далеко пойдет». Лея смеялась над этим безрадостно; он не ошибся.

Хан все еще сидел на краю стола Леи, выжидающе глядя на нее, и она взглянула на него, надеясь, что он поймет намек, что она слишком занята, чтобы пройти через это снова, - подумал Акбар, если в этом есть какой-то основной недостаток. "

«Казалось, что работа довольно хорошо для меня». Хан ответил и тут же пожалел об этом с привидением в ее карие глаза красного дерева. "Извини, извини."

Она покачала головой, ничего не сказать против этих воспоминаний. Все они Alderaan, заключение в тюрьму ... Вейдер.

И Люк еще раз слухи делали схемы; что он был сыном Вейдера ... это правда? Сын человека, который пытал ее на звезде смерти. Человек, который стоял за ней и наблюдал за ее миром, за ее людьми, все было разрушено. Это был его сын, который пришел к ней в ее самый мрачный час, утверждая, что она ее спаситель, зная ... зная, что сделал его отец.

Зная, что если он сможет обмануть ее, она приведет его обратно на базу Альянса.

Как она могла быть такой глупой?

Как он мог быть таким жестоким?

<http://tl.rulate.ru/book/24624/521779>